

Григорьева Анна Александровна

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ПАНСЛАВИЗМ В 80-Е ГОДЫ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется взаимосвязь между внешней политикой России на Балканах и эволюцией российского панславизма в 80-е годы XIX - начале XX века. Раскрываются основные аспекты панславистских теорий, а также "механизмы" использования "славянской идеи" в качестве своеобразного обоснования российских геополитических претензий на Ближнем Востоке. Особое внимание при этом уделяется средствам расширения политического, культурного и экономического влияния России на славянский регион (созывы Всеславянских конгрессов, попытки утверждения русского языка и литературы в качестве общеславянских, разработка проектов Всеславянского таможенного союза, Всеславянского банка и т.д.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 78-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ART CRITICISM UNDERSTANDING OF ARTISTIC CULTURE SPECIFICS

Irina Leonidovna Gol'dman, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Department of Tourism
St. Petersburg University of Management and Economics
iragold@mail333.com

The author analyzes artistic culture specifics, which provides the integral view of art different types development and integration during a particular historical period and finds expression in artworks, and considers art as a structure-forming element of artistic culture and art criticism - as a fundamental science that focuses on the study of artistic culture in its integrity.

Key words and phrases: artistic culture; art criticism; integration; interdisciplinarity; artistic culture works; art criticism reflection; artistic image; simulacrum; art-object.

УДК 94(47)+94(47).082+94(47).083

В статье анализируется взаимосвязь между внешней политикой России на Балканах и эволюцией российского панславизма в 80-е годы XIX – начале XX века. Раскрываются основные аспекты панславистских теорий, а также «механизмы» использования «славянской идеи» в качестве своеобразного обоснования российских геополитических претензий на Ближнем Востоке. Особое внимание при этом уделяется средствам расширения политического, культурного и экономического влияния России на славянский регион (созывы Всеславянских конгрессов, попытки утверждения русского языка и литературы в качестве общеславянских, разработка проектов Всеславянского таможенного союза, Всеславянского банка и т.д.).

Ключевые слова и фразы: панславизм; неославизм; Россия; Балканы; славянские съезды; славяне.

Анна Александровна Григорьева, к.и.н.
Кафедра всемирной истории
Восточно-Сибирская государственная академия образования
naukarus@gmail.com

**БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ПАНСЛАВИЗМ
В 80-Е ГОДЫ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

К 80-м годам XIX века Россия уже накопила ощутимые природно-территориальные, экономические и демографические ресурсы, позволившие ей сформировать мощную военную базу, а ослабление Османской и Габсбургской монархий создало объективные предпосылки для активного продвижения «русского колосса» в балканском направлении. Идеологическим обоснованием последнего стал российский вариант панславянской теории, легитимировавший дальнейшее расширение Российской империи на Ближний Восток и присоединение к ней остальных славянских земель. Показательно, что формирование и эволюция панславизма в России проходили под пристальным контролем со стороны правительства и всегда находились в тесном контакте с внешнеполитическим курсом официального Петербурга.

Приход к власти в Болгарии и Греции в 1885 г. прогерманских кругов неизбежно повлек за собой усиление на Балканах геополитических противников России, что на некоторое время «охладило» панславистские настроения среди «братских» народов. Английский посол в Константинополе сэр У. Уайт в письме своему петербургскому коллеге сэру Р. Мориеру по данному поводу писал: «Русские понесли много жертв для освобождения Греции, Сербии и Румынии. Одна только Черногория осталась верной и благодарной... В настоящее время они теряют Болгарию... Эти только что освобожденные народы желают дышать свежим воздухом, но не через русские ноздри» [5, с. 149]. Весьма любопытной, в связи с этим, представляется интерпретация западноевропейской историографией причин временного отпадения Сербского королевства от России и превращения его в «несколько больше, чем вассала» [18, р. 73-74] Габсбургов. По мнению Р. У. Сетона-Уотсона, одним из главных факторов подпадания сербов под власть Австро-Венгрии являлось не что иное, как «разочарование» короля Милана Обреновича явно безразличным отношением России к Сербии. Это, согласно Р. У. Сетону-Уотсону, особенно четко проявилось в 1878 г. на Берлинском конгрессе, когда «близорукая политика А. М. Горчакова, сосредоточенного на получении Россией материальной компенсации, возлагала все надежды на Болгарию, рассматривая при этом Сербию, впрочем, как и Румынию, в орбите австро-венгерских интересов» [Ibidem]. В действительности все было гораздо прозаичнее. Милан Обренович, являясь неуравновешенным и крайне расточительным человеком, поддерживал свое финансовое благополучие преимущественно за счет субсидий, предоставляемых ему Веней. Не будучи в состоянии самостоятельно рассчитаться с долгами, он даже предлагал «Францу Иосифу... купить Сербию, но тот

отказался, резонно рассудив, что присоединение этого государства вряд ли пройдет без внешнеполитических осложнений. А в самой монархии славяне получают опасный численный перевес» [17, с. 341-342].

Лишившись опоры на Балканском полуострове, Российская империя оказалась перед необходимостью поиска иных рычагов воздействия на баланс сил в Европе. Следствием этого стала политика продвижения России на восток, к Тихому океану. Однако угроза «разрешения восточного вопроса в западном, несогласном с нашими выгодами смысле» [6, с. 251-252] постоянно подталкивала дипломатические круги к поиску новых способов утверждения российского господства над проливами. Еще в 1892 г. тайный советник А. И. Нелидов в секретной депеше Министерству иностранных дел писал: «Если бы турецкой империи грозила анархия, а ее столице – бедствие междоусобной войны и внешнего вмешательства, то мы как ближайшие соседи должны явиться там для восстановления порядка и власти и обеспечения наших интересов... При всех этих обстоятельствах казалось бы крайне важным, если бы нам удалось достигнуть Константинополя, по мере возможности пройти в Дарданеллы и при помощи турок запереть и этот пролив» [Там же].

На фоне этих событий обозначился очередной подъем интереса к «славянской идее» как в России, так и за ее пределами. В новых условиях сторонники общеславянского единства полагали вполне естественным способствовать культурному, экономическому и политическому сотрудничеству всех славянских народов на паритетных началах. В печати все настойчивее звучали призывы к «общему покаянию славян друг перед другом» [9, с. 131]. Речь шла о разрешении польско-русских, сербохорватских и сербо-болгарских противоречий. Вместе с тем, подчеркивалось принципиальное отличие «возродившегося» славянского движения от тех течений, которые в российском и западноевропейском общественном сознании ассоциировались с понятием «панславизм». Поэтому в оборот был введен термин «неославизм». Предполагалось, что его концептуальный смысл и содержание не вполне совпадают, а в чем-то и принципиально отличаются от своего предшественника – панславизма. Радикальные отличия неославянской идеи от славянофильства и панславизма сами ее адепты видели в переходе борьбы между немцами и славянами из теоретической сферы в практическую. Многие неослависты отрицали политический характер данной конфронтации, а достижение взаимопонимания славянских народов рассматривали только в сфере экономики и культуры. «Нет сомнения, – писал историк и юрист А. Л. Погодин, – что победа неославизма будет победой человеческой культуры, большим шагом вперед в развитии гуманизма. В настоящее время национальная борьба в Европе свелась, в чистом виде, к борьбе именно немцев со славянами. Сплотив последних не для завоевательных целей, неославизм – в отличие от старого славянофильства... потребует, чтобы и пангерманизм сложил оружие своих завоевательных стремлений» [11, с. 263-264]. Впрочем, существовала и иная точка зрения. В частности, народовец Н. П. Стародворский утверждал, что неославизм представляет собой явление, прежде всего, политическое и может быть внедрен в жизнь только насильственными методами: Россия «с оружием в руках» при поддержке Франции нанесет решительный удар немцам и мадьярам, результатом чего станет распад Австро-Венгерской империи на несколько самостоятельных государств. Далее предлагались два возможных варианта объединения славянских этносов с Россией: «Подчиняясь закону развития, маленькие славянские государства найдут для себя... выгодным и удобным соединиться в один политический организм [подобно Италии]. Или же это объединение произойдет одновременно с падением Австро-Венгрии, причем русский царь тут же на поле битвы будет провозглашен славяно-русским императором» [2, д. 180, л. 26]. Считалось, что для этого России придется отказаться от монархической формы правления в пользу федеративной. Это, с одной стороны, является прямым свидетельством гипотетической целостности политических, экономических и культурных задач славянства. С другой стороны, теоретически обращает к панславистской концепции Н. Я. Данилевского. Следовательно, речь шла не столько о трансформации, сколько о расширении средств достижения славянского единства. Поэтому отрицание преемственной связи «неославизма» с предшествующими течениями прославянской направленности, равно как и лишение его политического содержания, вряд ли соответствует действительности и является научно корректным.

Не обошли своим вниманием неослависты и проблему общеславянского языка и литературы. Неослависты, как и их предшественники, предлагали принять русский язык и русскую литературу в качестве базовой: «Из [славянских] азбук самая удобная для славянских языков – русская... Принятие ее избавило бы поляков, чехов и хорватов от употребляемых ими для многих общих с русскими звуков побочных знаков, которые обременяют нынешнюю их печать и замедляют письмо» [1, с. 393].

В 1905-1906 гг. на страницах либеральной печати появился проект «Славянского союза», ставившего своей внутривнутриполитической задачей установление в России демократического конституционного порядка и предоставление полякам автономии в ее составе. В международных отношениях акцент делался на восстановление влияния России в Европе, существенно подорванного поражением в войне с Японией (1904-1905 гг.), а также в связи с военно-экономическим усилением Германии. Один из наиболее важных пунктов программы сводился к заключению таможенного союза с Габсбургской монархией. Обсуждение вопросов, связанных с развитием и систематизацией межславянских культурно-экономических связей (учреждение Всеславянского банка, Всеславянского таможенного союза, славянского туризма и т.д.), получило дальнейшее продолжение на Всеславянских съездах 1908 и 1910 гг. [19].

Попыткой приняться за более интенсивное изучение славянской культуры стал Предварительный съезд русских филологов в Санкт-Петербурге (1903 г.), организованный Российской академией наук. Участники форума, среди которых были не только русские, но и хорваты, сербы, поляки, болгары, чехи, словинцы и др., поставили перед собой «важный научный вопрос... о составлении и издании “Энциклопедии славяноведения”

или сжатого очерка научных данных, входящих в состав понятия “славянской филологии”» [3, с. 336]. Однако все усилия делегатов данного форума найти практическое решение обозначенной задачи потерпели крах, столкнувшись с проблемой выбора языка для составления данной энциклопедии.

Стимулом к возобновлению сотрудничества российских общественно-политических деятелей с зарубежными славянами послужила инициатива магистра гражданского права Новороссийского университета А. А. Борзенко о созыве в России очередного Всеславянского съезда. Инициатива получила одобрение и со стороны правительства, впрочем, с оговоркой, что в роли устроителя съезда должна официально выступить общественная организация (например, Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество), чтобы исключить связь с правительственными учреждениями. На предложение А. А. Борзенко относительно проведения общеславянского конгресса положительно отреагировали и представители австрийского рейхсрата. Лидер славянского движения К. Крамарж в связи с этим высказал надежду на скорейшее разрешение русско-польских противоречий и установление более тесных взаимоотношений между Российской и Дунайской империями, в том числе по Восточному вопросу. В свою очередь, австрийский премьер-министр А. Л. фон Эренталь усмотрел в перспективе сближения России с двуединой монархией возможность оказывать влияние на балканскую политику официального Петербурга с учетом интересов, прежде всего, Вены, а не Сербии и Черногории. Таким образом, заинтересованность правящих кабинетов Австро-Венгрии и России во взаимном сотрудничестве создала благоприятную почву для формирования идеологического содержания неославистского движения.

В апреле 1908 г. в Праге состоялись переговоры между русским Клубом общественных деятелей и представителями комитета по подготовке очередного Славянского съезда. Предполагалось обсудить и утвердить новую программу развития культурно-экономических межславянских контактов. Экономические связи между славянскими этносами и странами планировалось укреплять посредством образования Всеславянского банка в Москве или Петербурге, соответственно с филиалами во всех славянских землях. А. А. Борзенко выступил на съезде с проектом «Всеславянской палаты», призванной стать общеславянским административным органом (аналог «Организации американских государств»). Единственное условие для успешной реализации данного проекта А. А. Борзенко видел в «признании равноправности отдельных славянских народов, ревниво охраняющих свои местные, национальные особенности от подчинения не только иноплеменному влиянию, в особенности от подчинения Германии, но также от обезличения перед могущественным воздействием более сильного, хотя бы родственного другого славянского народа» [4].

Российские дипломаты, в частности А. П. Извольский, благожелательно отнеслись к заявлению Вены об аннексии Боснии и Герцеговины. Они рассчитывали на то, что усиление дунайской монархии в балканском регионе может быть компенсировано, с одной стороны, изменением режима черноморских проливов в пользу России и территориальными уступками Сербии и Черногории, с другой, – численно увеличит славянское население Австро-Венгрии и существенно повысит его политическую роль в пределах империи. Но далеко не все сторонники славянского единства разделяли столь оптимистичные прогнозы дипломатов. Так, лидер правого крыла кадетов В. Маклаков прямо заявлял, что аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией приведет не к усилению в ней славянского элемента, а лишь упрочит немецкое господство: «Нельзя подвергать Боснию опытам искусной и жестокой германизации... положение австрийских славян станет прочно тогда, когда славянский мир будет достаточно сплочен... не механическим присоединением новых славян к Австрийской монархии, а общей победой славянского дела в Европе» [8]. Только таким путем «достигнется и желанная славянизация Австрии» [Там же].

Резкое обострение в конце 1908 г. сербо-австрийских отношений отодвинуло на дальний план вопрос о статусе Боснии и Герцеговины, спутав, таким образом, планы официального Петербурга. В данной ситуации представителям российского Министерства иностранных дел контакты со славянством Австро-Венгерской империи представлялись особенно важными. Они рассматривались как одно из наиболее реальных средств воздействия на рейхсрат, а значит и решение вопроса о статусе Боснии и Герцеговины. После боснийского кризиса сербские и болгарские неослависты высказали твердое намерение оказывать всяческую поддержку России в создании Балканского союза. В связи с этим, в 1910 г. открылся панславянский съезд в Софии. Также как и Пражский, он был посвящен, большей частью, проблеме единения славян в области культуры и экономики. Особое внимание участники съезда уделяли вопросам организации съезда славянских филологов в Праге, установлению тесных связей между славянскими академиями и научными обществами, составлению славянского словаря, выработке общеславянской научной и торговой терминологии. Примечательно, что в качестве одного из участников съезда пригласили Л. Н. Толстого. Однако приехать в Софию известный писатель отказался, дав недвусмысленно понять, что его интерпретация «единства» резко отличается от той, которую предлагали неослависты. Л. Н. Толстой писал: «Да в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение *всего* человечества во имя основы, общей *всему* человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей... И только для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу... должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им» [15]. Л. Н. Толстой в своих суждениях исходил из того, что славяне, освободившись от немецкого и турецкого ига и объединившись в одно государство, окажутся в аналогичном положении, но уже в условиях российской монархии. Кроме того, писатель осознавал, что создание такого объединения неизбежно будет базироваться не только

на борьбе с другими подобными союзами, но и на «подавлении и эксплуатации более слабых соединений и отдельных личностей» [Там же].

В целом, Софийский съезд не оправдал надежд неославистов. Доклады обсуждались без особого энтузиазма. Прения возникали лишь по актуальным политическим вопросам (в первую очередь, по македонскому и польскому). На съезде и вокруг него сложилась напряженная атмосфера. Болгарские и польские общественные деятели-неослависты осудили панрусистскую политику официального Петербурга, направленную против польских «братьев». Столь неутешительные для неославистов итоги Софийского съезда вызвали негативную реакцию со стороны российских представителей. Известный ученый-славист А. Л. Погодин обратился с призывом к сторонникам славянского единства принять во внимание опыт панамериканских конгрессов. Залогом успеха последних, утверждал он, явилось отсутствие у США стремлений к установлению господства в рамках атлантической цивилизации, желание объединить всех американцев на исключительно демократических началах – всеобщей свободе и равенстве. Славянские народы должны поставить перед собой сходные цели. Однако, в отличие от американцев, «державные стремления» у славян постоянно сталкиваются с «завоевательными»: «Соединенные Штаты имели возможность показать крошечным республикам Южной Америки свое политическое преобладание и великодушно отказывались от этого; русские участники славянских съездов постоянно указывали на неравенство славянских народов, а последний съезд в Софии представлял прямо-таки картину недостойного подбострастия перед Россией» [10, с. 317].

Сложившаяся ситуация вызвала отклик и со стороны большевиков: «Его (*т.е. Софийского съезда* – А. Г.) смысл, – по словам Л. Д. Троцкого, – можно кратко выразить так: политические банкроты разных славянских стран собрались воедино, чтобы прокричать о своем банкротстве на весь мир» [16]. Гораздо большее значение для революционеров-интернационалистов имел форум болгарской рабочей партии, обнаружившей, в отличие от адептов всеславяинства, абсолютную солидарность в решении Восточного вопроса: «государственное объединение Балканского полуострова» возможно только в форме федеративной республики, ответственность за обеспечение жизнеспособности которой «всей своей исторической тяжестью» ложилась на плечи «балканского пролетариата» [Там же]. Фактически, большевики предложили свою, «пролетарскую» интерпретацию панславянской идеологии.

Из вышесказанного следует, что славянский съезд в Софии, изначально призванный помочь этнически и конфессионально родственным народам прийти к миру и взаимопониманию, преимущественно, за счет образования единого культурно-экономического пространства, не сумел устранить межславянских территориально-политических конфликтов. На Софийском съезде (1910 г.), на конгрессе славянских журналистов в Белграде (1911 г.) и торжественных мероприятий в Праге (1912 г.) обнаружилось непримиримое противоречие во всех сферах внутриславянских отношений. Это существенно снизило интерес официального Петербурга к неославистскому движению, хотя российская дипломатия по-прежнему продолжала тщательно отслеживать динамику развития неофициальных славянских взаимоотношений.

Большое влияние на самосознание славянских народов оказала Первая мировая война. Многие общественно-политические деятели восприняли эти события как кульминацию многовекового германского «Натиска на Восток». Победа славянства над германско-романской цивилизацией не вызывала никаких сомнений в панславистских кругах. В связи с этим перед Россией ставился ряд политических и экономических задач. В качестве первоочередной задачи провозглашалось объединение «элементов общества, которые чувствуют и думают по-славянски» [14], в различные общеславянские организации (общеславянский союз журналистов, общеславянскую академию художеств, общеславянскую консерваторию). Планировалось также ввести общеславянскую денежную единицу, разработать единое торговое и вексельное право, учредить общеславянский почтовый союз и основать библиотеку специальных книг для ремесленников и купцов. К моменту окончания войны, согласно убеждениям сторонников панславизма, России и славянству предстояло закрепить за собой ряд территорий: побережье р. Вислы, Данциг (Гданьск), южно-австрийские земли (Крайна, Штирия, Славония, Далмация) и все побережье Адриатического моря. Приобретение Адриатики обеспечило бы Болгарии и Сербии «свободный транзитный выход» [12]. Данциг, при наличии железных дорог и открытого морского порта, способствовал бы превращению Варшавы в товарообменный центр между Востоком и Западом [13]. Албанию планировалось включить в состав одного из славянских государств, а Константинополь с проливами передать России. Однако с началом новой эпохи «славянская идея» в России на сравнительно короткий период уступила место идеалам «мировой революции», одним из лозунгов которой провозглашалась «беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран, в особенности с царской монархией и великорусским, панславистским шовинизмом» [7, с. 6].

Таким образом, поиск официальным Петербургом путей закрепления позиций на Балканах и установления контроля над черноморскими проливами, являвшимися на тот момент единственным для России выходом в воды Мирового океана, способствовал подъему прославянских настроений и возобновлению интереса к панславизму. Последнее фактически свидетельствовало о совпадении политических стремлений российских государственных и общественных деятелей. На этой волне с подачи российских правящих кругов был образован т.н. Балканский союз, доминирующая роль в котором принадлежала Сербии, а также одобрены инициативы созыва Всеславянских съездов, направленных на укрепление политических, культурных и экономических межславянских связей. Однако объективные закономерности и тенденции развития России и других европейских стран делали панславистские проекты иллюзорными, что впоследствии убедительно подтвердила политико-дипломатическая история Первой мировой войны.

Список литературы

1. **Абель К.** О возможности общеславянского литературного языка // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 9. С. 392-395.
2. **Архив Российской академии наук (РАН).** Ф. 543. Оп. 5.
3. **Бодуэн-де-Куртэнэ Ж.** По поводу съезда славистов // Вестник Европы. 1903. № 7. С. 328-343.
4. **Борзенко А.** Всеславянская палата // Славянин. 1913. 12 мая.
5. **Вандам Е. А.** Геополитика и геостратегия. Жуковский - М.: Кучково поле, 2002. 272 с.
6. **Ламздорф В. Н.** Дневник. 1894-1991. М., 1991. 456 с.
7. **Ленин В. И.** Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. Российская социал-демократия о европейской войне // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 26. С. 1-7.
8. **Маклаков В. А.** Босния и славянский вопрос // Речь. 1908. 2 ноября.
9. **Ненашева З. С.** Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1. С. 131-133.
10. **Погодин А. Л.** Панамериканские и всеславянские съезды // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 314-320.
11. **Погодин А. Л.** Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249-265.
12. **Славянин.** Исторические задачи славянства // Славянское эхо. 1915. 26 (8) марта.
13. **Славянин.** Исторические задачи славянства // Славянское эхо. 1915. 29 (12) апреля.
14. **Славянин.** Исторические задачи славянства // Славянское эхо. 1915. 5 (18) июня.
15. **Толстой Л. Н.** Славянскому съезду в Софии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/tolstoy/tol10.html> (дата обращения: 25.03.2012).
16. **Троцкий Л.** Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война [Электронный ресурс] // Троцкий Л. Сочинения. М. - Л., 1926. Т. 6. URL: <http://www.pseudology.org/trotsky/trotm083.htm> (дата обращения: 25.03.2012).
17. **Шимов Я.** Австро-Венгерская империя. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
18. **Seton-Watson R. W.** German, Slav and Magyar: a Study in the Origins of the Great War. L., 1916. 220 p.
19. **Vyšný P.** Neo-Slavism and the Czechs 1898-1914. Cambridge University Press, 2010. 304 p.

**BALKAN POLICY OF RUSSIA AND PAN-SLAVISM
IN THE 80S OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Anna Aleksandrovna Grigor'eva, Ph. D. in History
Department of World History
Eastern-Siberian State Academy of Education
naukarus@gmail.com

The author analyzes the interrelation between Russian foreign policy in Balkans and Russian Pan-Slavism evolution in the 80s of the XIXth – the beginning of the XXth century, reveals the main aspects of Pan-Slavic theories, as well as the “mechanisms” of “Slavic idea” implementation as a kind of the substantiation of Russian geopolitical claims in the Middle East, and pays particular attention to the means of strengthening political, cultural and economic influence of Russia on Slavic region (convocations of all-Slavic congresses, attempts of Russian language and literature confirmation as common Slavic, the projects development of All-Slavic Customs Union, All-Slavic Bank, etc.).

Key words and phrases: Pan-Slavism; Neo-Slavism; Russia; Balkans; Slavic congresses; Slavs.

УДК 355.58

Статья раскрывает сущность и содержание мероприятий местной противовоздушной обороны (МПВО) по защите населения и объектов прифронтовых городов от воздушного нападения противника на начальном этапе Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) и принятых руководством СССР мер по ее усилению. Основное внимание в работе автор акцентирует на порядке развертывания системы МПВО, ее формирований и штабов в приграничных районах страны с началом боевых действий и выявленных при этом недостатках. Рассмотрены вопросы подготовки населения к противовоздушной обороне, строительства укрытий и совершенствования системы МПВО.

Ключевые слова и фразы: воздушное нападение; местная противовоздушная оборона; защита населения; группа самозащиты; убежище; штаб.

Александр Викторович Гусев, к.и.н., доцент
Кафедра промышленной экологии и безопасности
Костромской государственной технологической университет
gusev.aleksandr@list.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОЙ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СССР
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(22 ИЮНЯ 1941 Г. – 18 НОЯБРЯ 1942 Г.)[©]**

В планах гитлеровского командования одной из главных задач военно-воздушных сил в годы Великой Отечественной войны являлось нарушение работы нашей промышленности, транспорта и связи, уничтожение